

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.*

Николай Туроверов

В ноябре 1920 года под натиском частей Красной армии остатки Русской армии генерала П.Н. Врангеля эвакуировались из Крыма.

К берегам Турции на 126 судах отправились 145 693 человека, не считая судовых команд. Среди эвакуированных — 50 000 солдат и офицеров, 6000 раненых, гражданские беженцы, включая 27 000 женщин и детей.

Многие из них на Родину не вернулись.

Крымский исход — лишь одна из трагических страниц в нашей истории.

Но без нее не понять — ни умом, ни сердцем — весь ужас Гражданской войны, страшная тень которой и сегодня нависает над миром.

Об этом нам напоминают участники и очевидцы Исхода.

**Петр Врангель, генерал-лейтенант,
главнокомандующий Русской армией:
МЫ ИДЕМ НА ЧУЖБИНУ НЕ КАК НИЩЕ...**

«В десять часов утра 1-го ноября¹ я с командующим флотом объехал на катере грузящиеся суда. Погрузка почти закончилась. На пристани оставалось несколько сот человек, ожидавших своей очереди. При проходе катера с усеянных людьми кораблей и пристани несло несмолкаемое «ура». Махали платками, фуражками... Больно сжималось сердце и горячее чувство сострадания, умиления и любви ко всем этим близким сердцу моему людям наполняли душу...

Снялись последние заставы, юнкера выстроились на площади. У гостиницы стояла толпа обывателей. Я поздоровался с юнкерами и благодарил их за славную службу.

— «Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам...»

Отдав приказание юнкерам грузиться, я направился к катеру. В толпе махали платками, многие плакали»².

**Неизвестный ученик русской гимназии
в Праге (1904 года рождения):
СОЗНАНИЕ ЧЕГО-ТО НЕИСПОЛНЕННОГО МУЧИЛО
СОВЕСТЬ**

«Живо я помню мой день расставания с Родиной. Шумело грозно море, толпились на пристани жалкие продрогшие люди, где-то слышались пьяные голоса и отдаленные выстрелы и, как будто в насмешку, над всем этим трепыхались лоскутки трехцветного флага. На душе было гадко и противно, сознание чего-то неисполненного мучило совесть. Стоял я неуклюжей фигурой в зеленой английской шинели с винтовкой за плечами на мостике нашего миноносца, и крымский берег все более суживающейся полосой виднелся впереди.

Я покидал Россию, покидал надолго и горький, соленый вкус слез почувствовал на своих губах. «Прощай, — думал я, — прощай, моя дорогая милая Родина, сделавшая из меня верного и искреннего сына России»³.

¹ Д. Чашечкин.
Эмиграция.

**Татьяна Варнек, сестра милосердия:
ОСОБЕННО ПОПАДАЛО НАМ ОТ ОСОБ,
СТОЯЩИХ В ВС**

«Приходилось перелезать через тюки, через людей; то наступишь на чью-то ногу, то толкнешь, и часто под нелестные о нас отзывы «милых дам», от которых, как обычно, попадало «этим» сестрам, которые всегда всем «мешают»! Особенно попадало нам от этих особ, стоящих в очереди в WC. А очередь была нескончаемая. Стояли, думаю, часами. Мы же две на это время не имели и дали себе право ходить вне очереди. Что тут было! Шипение, шум и даже крики: «Нацепили себе кресты и воображают!» Но мы ничего не воображали, торопились с работой и, правда, в душе злорадствовали.

Но в самом начале был ужасный случай: на палубе появилась очень хорошенькая полуодетая молодая женщина. Она пританцовывала, громко смеялась и старалась бежать, точно кого-то ловила. Кто она, никто не знал. Появилась она раза два, и больше мы ее не видали. Она сошла с ума. Вероятно, ее заперли в какую-нибудь каюту, а может быть, она была и не одна, и ее держали свои. Впечатление она произвела очень тяжелое!»⁴

**Борис Пылин (Павлов), 14-летний доброволец
Алексеевского полка:
А ТАМ ДОЛЖНА БЫТЬ АЛУШТА...**

«Кто в 14 лет устоит перед возможностью поехать за границу, посмотреть чужие края, испытать что-то совсем новое, неизведанное?...

О погрузке на пароход и о самом моменте отъезда в памяти сохранились только отдельные моменты: улица, а на ней люди с чемоданами и узлами, с тележками, с детьми на руках и вместе с ними мы, кадеты, тоже неся свои пожитки, идем строем, направляясь к молу, где стоят пришвартованные пароходы... Непрерывная вереница людей, поднимающихся по трапу на палубу корабля, а потом исчезающая в его трюме. Трюм парохода, слабо освещенный тускло горящей лампочкой. Нас туда набили до отказа. Сидели и лежали вплотную друг к другу. Особенно трудно было потом ночью пройти к выходу, на кого-нибудь не наступив. Нам было приказано никуда не выходить из трюма и сидеть на своих местах...

Мне удалось выбраться на палубу. Я долго стоял у перил, наблюдая за удаляющейся землей. Скрылась Феодосия, но берег Крыма еще был виден, еще можно было разобрать вдалеке какие-то отдельные селения. Кто-то, рядом стоящий, как видно, хорошо знающий Крым, говорил: «А там, видите, Судак, а там дальше должна быть Алушта...» А потом скрылись и последние очертания покидаемой земли, и мы остались одни, окруженные серым, неприветливым морем. Только стая дельфинов, как в Новороссийске, как бы провожая нас, еще долго гналась за нашим пароходом.

Тогда мы не отдавали себе отчета, что уходим навсегда, что переживаем момент, который потом будем много раз вспоминать; что здесь на Черном, в тот день угрюмом, море для нас оборвалась Россия и началась новая жизнь людей, обреченных чувствовать себя всегда и везде, где бы они ни жили, в чем-то «чужими» и нигде «вполне у себя дома»⁵.

**Антон Туркул, генерал-майор, начальник Дроздовской
дивизии:
СОТНИ НАШИХ «ДРОЗДОВ» ПОВЕРНУЛИСЬ В ГОРЫ**

«Брошенные кони, бредущие табунами; брошенные пушки, перевернутые автомобили, костры; железнодорожное полотно, забитое на десятки верст вереницами вагонов; разбитые интендантские склады, или взрывы бронепоездов, или беглецы, уходящие с нами; замерзшие дети, обезумевшие женщины, пожары мельниц в Севастополе, или офицер, стрелявшийся на нашем транспорте «Херсон»; или наши раненые, волоча куски сползших бинтов, набрякших от крови, ползущие к нам по канатам на транспорт, пробирались на костылях в толчее подвод; или сотни наших «дроздов», не дождавшись транспорта, повернулись, срывая погоны, из Севастопольской бухты в горы, — зрелище эвакуации, зрелище конца мира»⁶.

03

°2
Погрузка частей
Русской армии.
Крым. 1920 год.

°3
Генерал Врангель в Се-
вастополе. 1920 год.
Обложка журнала
«Часовой».

02

**Эраст Гиацинтов, подполковник Марковской артиллерийской бригады:
СПУСТИЛИ РУССКИЙ ФЛАГ И ПОДНЯЛИ ФРАНЦУЗСКИЙ**

«Наше путешествие в неизвестность было очень трудным. Наш «Владимир» доплыл до Константинополя за восемь суток. В середине этого путешествия мы получили по радио известие, что Франция принимает нас, и на мачтах нашего парохода спустили русский флаг и подняли французский. Многие плакали при виде этого. Действительно, зрелище было необычайно тяжелое.

В это время не было бури, и море было на наше счастье очень спокойное. Потому что, если бы было малейшее волнение, наш пароход, нагруженный людьми и не имевший никакого груза в трюме, безусловно, должен был бы перевернуться, и мы бы все погибли... мы прибыли в Константинополь. Пароходы наши все были тотчас же окружены шлюпками, в которых находились спекулянты всех наций. Опускали по веревке, например, обручальное золотое кольцо, и взамен этого лодочник поднимал на пароход простую булку. Это шел совершенно откровенный и ничем не прикрытый грабеж изголодавшихся людей, измученных отступлением и плаванием по морю»⁷.

**З. Морозова, ученица 1-го класса английской школы для русских девочек на острове Проти (Турция):
Я БЫЛА В СВОЕМ БЕЛОМ КАПОРЕ**

«Когда мы шли в церковь, то все деревенские люди кричали, что очень рады, что большевики придут. Но вот наступил день нашего отъезда. Мы поехали на дрожках. Мне было очень страшно, ведь я была очень маленькая. Мы ехали, кажется, осенью; было холодно. Нам, кажется, грозила какая-то опасность, когда мы проезжали мимо какой-то станции. Но все прошло благополучно.

Мы стали подъезжать к Керчи утром. В самом городе я никогда не была. Когда мы подъехали к пристани, то увидели много всяких подвод. Дальше я не помню. Только помню, мы погрузились на пароход. Когда мы перешли, то поместились на палубе. На этом пароходе было сначала очень мало воды. Пароход этот назывался «Мечта». Нам пришлось пережить качку, меня сильно качало, я ничего не ела. Там было три трюма. Потом мы перешли в трюм № 3. Там меня снимали, я была в своем белом капоре. Когда мы ехали, у нас на пароходе умерла старуха, ее завернули в мешок и бросили в море»⁸.

04

05

- ¹ По старому стилю, принято на Юге России у белых. По новому стилю — 14 ноября.
- ² Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 430.
- ³ Дети русской эмиграции. М., 1997. С. 168—169.
- ⁴ Добровольцы. Сб. восп. М., 2001. С. 151.
- ⁵ Павлов Б. Первые четырнадцать лет. М., 1997. С. 152—155.
- ⁶ Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Нью-Йорк, 1990. С. 273—274.
- ⁷ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. М., 2010. С. 109, 111.
- ⁸ Дети русской эмиграции. М., 1997. С. 27.
- ⁹ Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 415.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 310-310об.

° 4
Русская эскадра покидает Крым. 1920 год.

° 5
Митинг в поддержку Красной армии. 1920 год.

**Никанор Савич, бывший депутат Государственной Думы:
МЫ ИДЕМ КАК БЫ КРАДУЧИСЬ...**

«Еще видны удаляющиеся берега Крыма, с которым было связано столько надежд, который был последней точкой свободной родной земли, последней связью с Россией. И вот эта нить оборвалась, родная земля исчезает в сгущающихся сумерках. Тяжело и мрачно на душе у всех, уходящих в изгнание без надежды на этот раз вернуться домой. Мы идем как бы крадучись, стараясь быть незаметными, уйти в темную мглу и скрыться от взора невидимого врага. Среди публики уверяют, что это делается из опасения обратить на себя внимание подводных лодок врага, которые будто бы вышли из Николаева, чтобы мешать нашей эвакуации»⁹.

**Петр Аверьянов, генерал-лейтенант, бывший исполняющий должность начальника российского Генерального штаба:
КАЗАКИ ПЛАКАЛИ, ОБНИМАЯ И ЦЕЛУЯ СВОИХ КОНЕЙ**

«Стали прибывать на базу [в Феодосию] кубанские конные полки. Они подходили к ней в конном строю, затем спешили и уже пешими вводились на базу, оставляя своих лошадей на произвол судьбы. Некоторые казаки плакали, обнимая и целуя своих коней, другие убеждали толпившихся возле базы в небольшом числе феодосийских обывателей разобрать казачьих лошадей по своим домам, на что получали в ответ: «А чем мы будем их кормить?» Изредка раздавались револьверные выстрелы, которые объясняли тем, что некоторые офицеры убивали своих коней...

Вскоре все прилежавшие к базе улицы были заполнены брошенными казаками лошадьми, которые тревожно ржали, тянулись за казаками, подходили к ограде базы, просовывали в отверстия ограды свои головы... Несколько коней прорвались через ворота за своими хозяевами на самую базу. В общем получалась потрясающая нервы картина. Многие беженцы, наблюдая ее, плакали, плакали и сами казаки.

Все это в связи с непрекращающимися взрывами и красными отблесками последних на темном небе создавало... очень жуткое настроение»¹⁰.